

Хабибулина Г.Н. (ЕГПУ)

Тема любви в поэтическом наследии С.Я. Надсона

«...роза пахнет розой,

хоть розой назови её, хоть нет...»

Шекспир

Надсон вошёл в литературу в трудную, кризисную для русской поэзии пору. После смерти Некрасова, в восьмидесятых годах оживилась деятельность поэтов «чистого искусства». Историческому эгоцентризму героев-одиночек в начале 80-х гг. XIX века была противопоставлена теория «малых дел». Родилась она в кругах русской интеллигенции. К подобным представителям можно отнести и С.Я. Надсона. Лирический герой превратился из пророка в друга, сочувственника, идущего в народ разделить с ним повседневные проблемы. Живую плоть поэзии составил образ «лишнего человека». Жажда борьбы и неумение бороться, личные неудачи и чувство обречённости целого поколения – все эти давно знакомые черты воскресли в поэзии Надсона.

Поэтика Надсона – это поэтика предельных состояний человеческого духа, резких контрастных чувств. Подобные колебания лирической эмоции между жаждой счастья и аскезой, разумом и верой, несомненно, отражают чисто юношеский, наивный в своей искренности максимализм характера лирического героя С.Я. Надсона.

Поэт прожил недолгую жизнь (1862-1887), полную лишений:

«Я рос одиноко... я рос позабытым,

Пугливым ребёнком – угрюмый, больной

С умом не по-детски печалью развитым,

И с чуткой, болезненно-чуткой душой»[1, 108].

Надсон увлекался литературой с детства, он поразительно много читал. С недетской серьёзностью заносил на страницы дневника жизненные впечатления, слегка беллетризованные, юношеские стихи и размышления, чаще всего печальные, но не без оттенка литературности, в духе Лермонтова, а иногда и с ссылкой на него. М.Ю. Лермонтов был любимым поэтом Надсона: «Что не говорите, а лучше Лермонтова нет у нас поэта на Руси ...» [2]. Своим участием, расположением и литературными советами помог молодому поэту Плещеев «Его я считаю своим литературным крёстным отцом ...»[2].

Одной из основных черт лирики стал автобиографизм, поэтому с некоторыми деталями творчества поэта можно познакомиться благодаря исповедальной лирике: нелёгкое сиротское детство, тяжёлый недуг, мучавший писателя с юношеских лет, светлая недолгая любовь к рано умершей Н.М. Дёшевой, оставившей заметный след в его поэзии:

«Я вновь один – и вновь кругом

Всё та же ночь и мрак унылый

И я в раздумье роковом стою над свежеею могилой ...

Мне больше некого любить,

Мне больше некому молиться» (Н.М.Д.)[1, 197].

Отнюдь не все стихи о любви овеяны тоской и отчаянием, однако поэтическая концепция любви скорее наследует не «ницшеанскую», а «фетовскую» линию. Любовь – это миг, вспышка и она вырастает из личной трагедии. Надсон реже прибегает к любовной лирике, чем к гражданской, но, несмотря на это, она всё же занимает неотъемлемую часть его творчества. Подобно Огареву, Плещееву, Некрасову, у поэта не существовало

самодавлеющей красоты независимой от человеческого благополучия; любовь он воспринимал ещё и как идейное содружество и братство.

Чувство влюблённости в лирике Надсона неотделимо от природы. В этом мгновении поэт находит всю полноту жизни. Сходство с А.А. Фетом прослеживается и в доминантной теме творчества – муки и страдания любви, которые всегда остаются знаком живой души. Однако у Надсона своя, неповторимая интонация. В его стихах нельзя не заметить точную психологическую деталь – цветок. Эта неуловимая, казалось бы, выразительная подробность имеет несколько значений:

1. указывает на миг созревания чувства любви, расцвет личности. Так рождается параллелизм, сравнение и перифраз – основные средства поэтического мира Надсона. Каждый «аргумент» - поэтическое уподобление явлений природы событиям в жизни человека:

Только утро любви хорошо, хороши

Только первые, робкие речи,

Трепет девственно-чистой, стыдливой души, ...

Дальше миг наслажденья, и *пышный цветок*

Смят и дерзостно сорван, и снова

Не отдаст его жизни кипучий поток,

Беспощадные волны былого»[1, 245].

Данная элегия построена по всем правилам ораторской речи: положение, доказательства, поэтические уподобления, единоначатие. И это характерно не только для одного стихотворения, но для тенденций надсоновской поэзии вообще. Его стихи – не размышления поэта наедине с собой, а рассуждение вслух, обращённые к большой аудитории:

«Пусть жертвенник разбит – огонь ещё пылает,

Пусть роза сорвана – она ещё цветёт,

Пусть арфа сломана – аккорд ещё рыдает»[1, 279];

2. художественная деталь является предвестником коренного изменения мира, изображает приход блаженной и счастливой поры, о которой мечтает поэт, без «пошлого рая» мещанского благополучия, «праздник возрождения», когда «радостно вздохнут усталые рабы, и заменит гимн любви и примиренья звуки слёз и горя, мести и борьбы». Возрождение – это весна, а весна – это черёмуха

«От сонных черёмух, осыпанных цветом,

И сыпавших цветом, как белым дождём,

С невнятной лаской, с весенним приветом

Струится стремительный запах кругом»[1, 141]

Эта та же мечта, которая вдохновляла и героя гаршинского «Красного цветка», предвидевшего такое время, когда «распадутся железные решётки, все ... заточённые выйдут отсюда и помчатся во все концы земли, и весь мир содрогнётся, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте». Данная мечта владела не просто литературными героями, а многими реальными людьми семидесятых-восемидесятых годов. Мечта заманчивая и пленительная, но туманная и неясная. Свой новый мир С.Я. Надсон усыпал цветами, насытил запахами. Герой поэта мечтатель, но и человек мучительных сомнений, а жизнь для него – это «Тенистый сад, в цветах и золоте лучей». Поклонение садам восходит к древнейшим временам. Традиционно сад – это центр Космоса, Эдем, Парадиз;

3. цветы позволяют ворваться в стихотворный текст потоку неуловимых, приглушённых звуков, которые вводятся в лирику и напрямую,

и с помощью многочисленных аллитераций; запахов, создающих гармоничный мир надсоновской мечты:

«Ни вьюг, ни сыпучих снегов

Там только нетающим снегом сверкают

Вершины гранитных хребтов ...

Цветы там *душистее*, звёзды крупнее ...

В такой-то стране *ароматною* ночью,

При *шёпоте* лавров и роз...» (Легенда о Ёлке)[1, 76]

Вышеупомянутая деталь добавляет цвет, раскрашивает лирику, благодаря синэстетическим эпитетам.

«Там, за зеркальным, *блещущим* стеклом,

В сиянье *ламп*, горевших мягким светом,

Обвеяны искусственным теплом,

Взлелеяны *оранжерейным* летом,

Цвели цветы ... *жемчужной* белизной

Сияли ландыши ... *алели* георгины.

Пестрели бархатцы, нарциссы и левкой,

И розы искрились, как яркие *рубины* ... [1, 173]

Поэту претит бесстыдное невежество наглой искусственной красоты, пошлости, которые оттеняют чистое, естественное чувство: «За то, что ты цветок душистый / В венке искусственных цветов ...», «Искусственный цветок лукаво не обманет / Того, кто раз дышал прохладой садов»[1, 231]. Надсон стремился рядить в радугу красок всё, о чём писал, и в этом

стремлении своём нередко сближался с поэтами школы «чистого искусства». Звуки и краски он находит именно для изображения этой «нарядной красоты». Но не только о природе и любви пишет Надсон так нарядно, он вносит радугу красок даже в описание мрачных настроений, где звучит мотив духовного крушения поэта: «Облетели цветы, догорели огни», «Он растоптан и смят, мой душистый венок»;

4. аксессуарная подробность является ещё и прощальным знаком:

«За что ж, когда её в могилу опускали,

И погребальный хор ей о блаженстве пел,

Вы ранний гроб её цветами увенчали,

А я лишь издали, как чуждый ей смотрел?» («За что...»)[1, 64].

В данной элегии возникает фольклорный мотив последнего пути юного существа, который усыпают цветами. Но в поэзии Надсона присутствует ещё и мотив неудовлетворения – сломанные, помятые цветы: «Сколько всходов помятых и сломанных роз!»[1,203].

Символом смерти, забвения в поэзии чаще всего становится сирень:

«Я б умереть хотел душистою весною

В запущенном саду, в благоуханный день.

Чтоб купы тёмных лип дремали надо мною,

И колыхалася цветущая сирень»[1, 56]

Цветы стали лейтмотивной художественной деталью, афоризмом. С афористичностью поэзии как нельзя более гармонирует и его тяготение к аллегориям и абстракциям, которыми насыщен его поэтический словарь: идеал и царство Ваала, свет и мрак, любовь и вражда, сомнение и вера – таковы аллегорические абстракции-антитезы. Пристрастие к ним, скорее

всего, обедняло поэзию и упрощало сложность жизни в изображении поэта, но, в то же время, аллегии и абстракции помогали Надсону сводить частные вопросы эпохи к наиболее общим проблемам современного ему добра и зла, они придавали его поэзии особую декламационную действительность. При всей глубокой искренности он ценил красивое слово и облакал свой трагизм в нарядные одежды.

Аксессуарная подробность – цветы несёт значительную смысловую и эмоциональную нагрузку. Цветы обладают особым тайным смыслом, символизируют реализацию скрытых возможностей души. У Надсона появился особый «язык цветов», который высоко ценили поэты античности, средневековья, и в основе которого был цвет: красный цвет – пыл, дерзость, ревность; голубой цвет – нежность, застенчивость; фиолетовый – скорбь; зелёный – надежда; жёлтый – счастья; каштановый – недоверие. «Язык цветов» у Надсона основан на сортах. Каждый цветок значим: сирень – забвение; лилия – сила, мощь, возрождение, женская чистота, красота («Сколько ждёт тебя лилий речных!»); пион – искренность, плодородие; мимоза – уверенность; жасмин – гармония («Простой лесной жасмин – но свежий и душистый...»); акация – жизненная сила:

«В тени задумчивого сада,
Где по обрыву, над рекой,
Ползёт зелёная ограда
Кустов акации густой,
Где так жасмин благоухает,
Где ива плачет над водой
В прозрачных сумерках мелькает
Твой образ, стройный и живой»[1, 87]

Излюбленным цветком является роза: «Точно этот замок – рощи и долины, / Пурпур этих роз и белизна колонн...», «Сколько роз тебя жаждет в душистой тени...», «И плакали гордые розы, / И плакал в кустах соловей...», «Розы... мрамор статуй... серебро фонтанов...», «Гирлянда алых роз упала на ступени, / И полную луной в окно озарена, / Стоит, божественной сверкая наготою, / Диана строгая, нема и холодна...». Цветок розы издревле является одним из самых распространённых мифопоэтических символов. В древности с розой связывали тайну, мудрость, тишину, радость, славу, изящество, пышность, блаженство и, конечно, любовь. И всё-таки, в поэзии Надсона – это символ любви, которая доставляет не только радость, но и может наносить глубокие раны. Христиане верили, что до грехопадения роза росла в Эдемском саду и не имела шипов. Красной она стала, зардевшись от удовольствия, когда её поцеловала Ева[3]. Надсон С.Я. – человек верующий, поэтому в его лирическом наследии встречается лишь красная роза, которая превратилась в знак земного мира.

Любовная тема в поэзии С.Я. Надсона находит совершенно оригинальное жанровое решение. Она воплощается в двух жанрово-тематических группах стихотворений:

✓ интимно-повествовательная лирика:

«Любви, одной любви! Как нищий подаянья,

Как странник, на пути застигнутый грозой,

У кровя чуждого, молящий состраданья,

Так я молю любви с тревогой и тоской»[1, 113].

Эта жанровая группа тяготеет к стихотворному монологу. Драмматизм коллизии обуславливает «нервность монолога», резкие перепады психологических состояний;

✓ романсовая лирика. Свыше ста стихотворений С.Я. Надсона

положено на музыку. Примечательно, что к его произведениям обращались такие выдающиеся композиторы, как А.Г. Рубинштейн, С.В. Рахманинов, Э.Ф. Направник...

Основу образно-стилевой системы романса, как правило, составляет романтический тип мироощущения, представленный в своём самом общем, схематическом виде, не осложнённый психологически и сюжетно:

«Я вас любил всей силой первой страсти.

Я верил в вас, я вас боготворил

Как верный раб, всё иго вашей, власти

Без ропота покорно я сносил»[1, 156].

Причиной необычайной востребованности романса в переходную эпоху является демонстративная литературность художественной системы поэзии, спроецированность её образов и поэтического словаря в прошлое – в золотой век русской литературы. Отсюда и близость лирики Надсона Пушкину, Лермонтову, а так же Некрасову, Тютчеву, Фету. С.Я. Надсон словно стремится занять красоту и гармонию от поэтических формул прошлого, желая в них найти поэтическую энергию для угасающих чувств настоящего.

Литература:

1. **Надсон, С.Я.** Стихотворения / С.Я. Надсон. – Ленинград: Советский писатель, 1951. – 315с.
2. **Русские писатели.** Библиографический словарь [В 2 ч.] Ч.2 М-Я / Редкол.: Б.Ф. Егоров и др.; Под ред. П.А. Николаева. – М.: Просвещение, 1990 – 448с.
3. **Жюльен, Н.** Словарь символов. Справочное издание. / Н. Жюльен – Челябинск: УРАЛ Л.Т.Д., 1999 – 500с.
4. **История русской литературы XIX века.** В 3ч. Ч.3 (1870 – 1890 годы): учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 «Рус. яз. и лит.»; под ред. В.И. Корвина. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2005. – С.342.